

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования Вологодской области
Череповецкий государственный университет
Гуманитарный институт
Кафедра литературы

Культура и словесность Русского Севера

Сборник научных статей

1423743

Череповец
2010

Н. В. Алексеева (Череповец)

**ПАЛОМНИЧЕСТВА КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПОЧИТАНИЯ
СЕВЕРНОРУССКИХ СВЯТЫХ И СВЯТЫНЬ
В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ XIX в.**

Паломничества получили распространение, скорее всего, на рубеже I-II тыс. н.э., когда вместе с христианством древнерусское общество стало осваивать новые понятия и представления христианского мира. В течение многих веков в Палестину отправлялись путники, чтобы лично поклониться святыням. В средние века их называли паломниками, так как, возвращаясь из путешествия, они приносили с собой из святых мест пальмовую ветвь, как знак своего «хождения».

Массовый характер паломничество приобрело в IV в. под воздействием путешествия святой Елены в Иерусалим с целью поиска Креста, на котором был распят Иисус Христос.

На Руси традиция паломничества была воспринята вместе с крещением Руси. «Хожения» по святым местам рассматривались как главное событие в жизни странников, как подвижничество.

Судя по сообщениям, хранящимся в Тенишевском бюро, очень распространены были обетные паломничества или богомолья. До 1861 года для того, чтобы отправиться на богомолье, необходимо было для начала направить прошение в консисторию для разрешения его совершить и получения паспорта на это время [3]. Ходили большей частью женщины и девушки, мужчины — реже. Самые распространенные поводы к совершению паломничества были следующие: неудачное замужество или желание выйти замуж; болезни

детей; бесплодие; болезни родственников или собственные; неурядицы со скотиной (необъяснимые смерти, пропажа, болезни, бесплодие).

Рассказы о целительной помощи тех или иных святынь проникли в самые глухие уголки России. О некоторых даже писали в приложениях к епархиальным ведомостям. Например, в 1864 году в приложении к Вологодским епархиальным ведомостям был напечатан такой случай чудесного исцеления: «1862 года, Вологодской губернии, Устюжского уезда, Дмитриевской волости, деревни Побоиша, крестьянская жена Настасья Васильева объявила, что она в продолжение 12 лет страдала от раны ужасною болью в правой ноге. Услышав о чудесах Преподобного Сильвестра, она с твердою верою в душе положила обет при малейшей возможности идти в село Воскресенское на поклонение Угоднику. В тот же самый час, как принято было такое решение, боль в ноге перестала, рана закрылась и исцеленная отправилась в Воскресенское и, прошед 500 верст к мощам Преподобного Сильвестра, благодатию Божиею не чувствует в ноге никакой боли» [2, 24.].

Крестьяне, считая паломничество богоугодным делом, предпочитали проделывать путь пешком, независимо от расстояния и времени года. Особо часто посещались ближние святыни. Верующие считали своим долгом посетить их хотя бы один раз в год. Например, в Вологодском уезде из местных святынь крестьяне особо выделяли мощи Галактиона и Иоасафа Вологодских Чудотворцев, находящихся в Свято-Духовом монастыре в Вологде и мощи Феодосия Тотемского [7].

Хотелось бы особо обратить внимание на тот факт, что число «угодников Божиих, в пределах Вологодской епархии почивающих, прославленных церковью и местно чтимых», в конце XIX века было 73 по данным Н. Суворова. Из них одиннадцать было официально канонизировано Православной Церковью в разное время. Большая часть, по словам самого Н. Суворова, «сих святых подвижников веры и благочестия, явились победителями мира в удалении от соблазнов мира... — в сане иноческом; пять из них, на свещнике церкви — в сане епископском; пять достигли почестей вышнего звания, быв некогда на земле сана княжеского; одиннадцать благоугодили Богу подвигами юродствования Христа ради; семь — украшены венцами мученическими» [2, 22].

По этому поводу можно привести слова архиепископа Вологодского, впоследствии архиепископа Херсонского, Иннокентия: «Когда озираю мысленно паству Вологодскую, то мне кажется, что я из одного духовного рая (Киев), переселился в другой, подобный... Возрю ли на Восток? Там Прокопий Устюжский отводит молитва-

ми своими каменную тучу, висящую над Устюгом; там Феодосий Тотемский среди сланных источников, открывает новый неизсякаемый кладезь соли духовной... Обращусь ли к Западу? Здесь обители Св. Павла Обнорского, Св. Корнилия и Арсения Комельских высятся яко твердыни духовныя в прибежище и оплот воинов Христовых, в отражение врагов видимых и невидимых. Посмотрю ли на Север? Тут, среди волн на скале каменной, вижу несокрушимее всех скал и камней раку святого Благоверного Князя Иоасафа, преподобных Петра и Василия. Приникну ли к Югу? Там почивают <...> основатели церкви Вологодской — священномученики Герасим, Иона и Питирим. Осмотрюсь ли кругом себя? — Се Дмитрий Прилуцкий! Се Галактион Спасокаменский! Се Герасим Киевский! Се Антоний Вологодский!...» [2, 10–23].

Однако все же особым почитанием русских крестьян пользовались соловецкие угодники Зосима и Савватий. По рассказам крестьян села Покровского Борисовской волости Вологодской губернии, чаще всего ходили на Соловки в случаях нездоровья детей. Когда решали идти, то «крестьянин шел собирать муку, яйца на Соловецких. Напрошенное продавал и с этими деньгами отправлялся пешком до Устюга». Там садился на пароход и бесплатно или за умеренную цену плыл в Архангельск, а дальше — «как Бог даст». «По прибытии соловецких богомольцев помещали в гостинице на трое суток, кормили бесплатно и давали на обратную дорогу хлеб. Многие крестьяне Яренского уезда ходили на богомолье по обещанию в Ульяновский монастырь. Отправлялись в Ирту в Спасов день: „Два раза летом собиралось много богомольцев из всех ближайших деревень, которые стояли всенощною и литургию всю, служили сообща молебен и отдельно перед иконой Спасителя”» [6, 89].

Православный ландшафт белозерского ареала складывался на протяжении XIII — XX вв. и включал целый архипелаг обителей, локализованных на сравнительно небольшой территории, представлял собой органичную, хотя и довольно разветвленную монастырскую систему. Наиболее интенсивные «волны» монастырской колонизации Заволжской Руси приходятся на конец XIV век (Череповецкий Воскресенский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри), XV век (Нило-Сорская, Ворбозомская пустыни и т. д.) и XVI ст. (Кирилло-Новозерский монастырь, Филиппо-Ирапская, Иродионово-Илозерская пустыни, Горицкий Воскресенский монастырь, Покровский Шухтовский монастырь и др.). В следующие века было учреждено более 30 иноческих общин [8, 143].

В XIX в. в храмах функционирующих и некогда упраздненных белозерских монастырей, основанных в период с XIV до конца XVI веков, находились святые мощи их родоначальников и их воспри-

емников двенадцати преподобных. Вне белозерских пределов погребенным оказался лишь прп. Ферапонт Белозерский. Его мощи были похоронены в Лужицком Можайском монастыре Московской епархии.

Вообще Русский Север отличался обилием мест поклонения, известных не только присутствием мощей св. подвижников. Если взять для примера один только уезд Архангельской губернии — Шенкурский, то в XVIII веке из 99 церквей, находящихся на его территории, в пяти имелись богоявленные и чудотворные иконы, шесть храмов были обетными а в трех находились мощи св. подвижников, то есть все эти храмы являлись местом постоянного паломничества богомольцев [4, 7–200].

Одними из особо чтимых икон в Архангельской епархии были образ Божьей Матери «Всех скорбящих радость» в Топецком приходе, которую, по преданию старожилов, крестьянин Бурмакин, плывущий в Архангельск по Двине, увидел на поверхности воды. Взял ее и поместил в клетки своего дома. Слух об этой иконе привлек огромное количество богомольцев; и для того, чтобы она была доступна поклонению каждого приходящего, образ был передан около 1790 года в местную церковь Рождества Христова [4, 186–190]. Явленная икона Св. Троицы, находившаяся в Мезенском уезде, Лампоженском приходе, величиной была «в 1 вершок, изваянная из меди и впоследствии позолоченная». По преданию, в 1602 году был в этой местности страшный голод и три лампоженских крестьянина поехали для покупки хлеба в Чокольскую волость. Один из них близь деревни Шаймогорской, в стороне от дороги, на только что вытаявшем снегу увидел икону (1 февраля), и привез ее домой. Но после приезда его дочь Акилина вдруг онемела во время ужина. Жена потребовала поставить икону в церкви Св. Георгия и совершить перед ней молебен. После того, как это было выполнено, девочка снова заговорила и по ее желанию «учинили крестное хождение с новоявленной иконою в Заакакурскую церковь Николая Чудотворца и в церковь Рождества Богородицы в Окладниковой слободе. По свидетельству старожилов, никто в ту зиму не умер от голода» [4, 309–310]. Икона св. Варнавы во Владыченском приходе Печерского уезда. Считалось, что явилась она на дереве крестьянину Вуколу (1539) и исцелила его слепорожденную дочь, дала исцеление многим в разных болезнях. Икону привозили в Новгород архиепископу Макарию, но она опять чудесным образом оказалась на месте [4, 88–91.]. Древняя храмовая икона Св. Николая, находившаяся в Мудьюжском приходе Архангельского уезда. Без этой иконы не строилась ни одна шхуна, ни один корабль. Перед дальней дорогой или после возвращения из морского плавания крестьяне считали

своим долгом помолиться перед ней. К этой иконе с древности был прикреплен четырехконечный серебряный крест, в котором хранились мощи праведного Артемия [4, 184.].

Шли к святым иконам, родникам, камням и «колодчикам» со святой водой и пр. К дальним святыням ходили редко — на Соловецкие острова, в Киев, в Троице-Сергиеву лавру, бывало и в Иерусалим. На поклонение Фаворским святыням в Святой Земле шли простые паломники, как из числа мирян, так и из духовенства. В конце XIX века осуществлялись и групповые паломничества студентов и преподавателей Московской Духовной Академии.

Храм на горе Фавор был воздвигнут, в большей степени, благодаря пожертвованиям из России. Сюда поступала из России церковная утварь, иконы. Многие русские паломники в своих записях сообщали о том, что фаворская церковь Преображения Господня была украшена богатыми иконами в серебряных окладах и почти все они были приношениями русских богомольцев. А. Коровицкий замечал по этому поводу: «Добраться пешком с ничтожными часто средствами на Фавор, чтобы помолиться здесь и оставить свою лепту — разве это не тот же апостольский подвиг?» [1, 33–36].

К паломникам относились с уважением, по возвращении вся деревня собиралась послушать рассказы о путешествии, смотрели принесенные святыни и завидовали близким и родственникам: «Замолил и за них грехи».

Ходить старались весной или осенью, перед началом или по завершении страдных работ. Собираясь в дальний путь, выясняли, кто еще идет туда же из своей или ближних деревень. В дороге старались не вести пустых разговоров, не думать о бытовых делах, не злословить [5, 17]; таким образом, на время отрекались от мирской жизни. Считалось непристойным ухаживать или заигрывать в пути с противоположным полом, одевались в одежду темных цветов.

Чаще всего предмет, выполнявший роль жертвоприношения, нес информацию о несчастье, по поводу которого было предпринято паломничество: «Если голова болит, то повойник носили. У одного сын утонул — он сотенку положил» [9, 119]. Иногда обворачивали несколько раз больное место пеленой или полотенцем, предназначенными в жертву, и оставляли у святыни.

По мнению Т.Б. Щепанской, «приношения (жертвы) делились на две категории: те, что оставались у святого места и должны были истлеть здесь нетронутые, и те, что предназначались нищим или хранителю святого места. Например, с рек Устья, Ваги и Кокшеньги ходили по обету в с. Бестужево и водили туда скотину, если заболела. По народным представлениям, нужно было зайти в реку, и вода исцелит. Одни давали обет зайти в воду по колено, другие — по

пояс, третьи — окунуться с головой, в зависимости от тяжести заболевания. Намокшую одежду снимали и пускали по течению. Если заходили по пояс, то реке доставались штаны и юбки, а если окунались с головой — то вся одежда. „А ниже по течению — кто победнее, тот подберет”» [9, 130–131].

Вещи, отданные в качестве милостыни, по обету или находящиеся в святом месте, нельзя было снова использовать, красть, присваивать — те, которые относились к первой категории. Адресат приношений, оставляемых у святого места, был один — Бог, а то, что принадлежит Богу, не может быть использовано человеком. Поэтому ходила масса слухов по поводу неизбежного наказания за подобное нарушение. Одна из таких историй была записана Т.Б. Щепанской у Варлаамьевского колодчика на реке Ваге: «Парень был — так он годов 18-ти или 19-ти. Ходил пастухом. И ковды-то сумел сходить на этот колодчик, да кое-что побрал: там деньги оставляли, платки головные, полотенца. И потом стал выпускать коров — и у него ноги отнялись по самые бедра. Говорят, Господь наказал» [9, 137].

Брать здоровому, сильному человеку то, что принадлежало нищему, юродивому, хранителю св. места, тоже категорически запрещалось. Все эти люди принадлежали к сакральному миру покаяния. У того же Варлаамьевского колодчика жила когда-то старушка: «Принесут к Варлаамью-то хозяйки пищу, покушают, а остальное продают. А деньги-то старушке отдавали, Пелагее» (предполагалось скопить на церковь). Однако нашлось два бандита — обманули старушку: «— Дай нам денег, мы в Медлешах церковь откроем. Деньги взяли, а старушка-то умерла. Одного-то Бог наказал — год лежал... А другой-то в сених замерз. Наказал Бог!» [9, 130].

Кроме всего прочего, каждая святыня имела свой праздник и собирала в эти дни особенно много паломников. В такие дни устраивались угощение из принесенных ими продуктов. Подаяние нищим в святом месте воспринималось как форма обетного жертвоприношения, поэтому нищие всегда собирались в святых местах и особенно по праздникам [9, 117].

Возвращаясь из святых мест, обязательно приносили с собой иконы, ладан, кусочки природных материалов (щепки, камешки, землю, песок и др.), славящиеся своими чудотворными целительными свойствами, воду из местных озера, реки, колодчика.

Таким образом, высокая концентрация объектов религиозного поклонения создавала все условия для активной паломнической деятельности на Европейском Севере в XIX в. Богомолья носили подвижнический, часто, покаянный характер, при этом выполняя и коммуникативную функцию.

Примечания

1. Архимандрит Августин (Никитин). Путешествие по святым местам // Арсеньевские чтения. — Новгород. 1993.
2. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. №№ 1–6.
3. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4662. Л. 4, 14. Д. 4645. Л. 4, 5. Д. 4599. Л. 6.
4. Краткое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. — Архангельск, 1895.
5. *Кремлева И.А.* Обеты в народной жизни
6. *Кремлева И.А.* Храм — за один день // Родина. № 1. 1994.
7. РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 147. Л. 28.
8. *Третьякова С.В.* Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белоозера (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.). Дисс... к.и.н. — Вологда, 2007.
9. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть // Русский Север. — СПб., 1995.

Е.И. Анненкова (Санкт-Петербург)

ДВА ТИПА ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ (СЕВЕРНЫЙ — ЮЖНЫЙ) В ЭПИСТОЛЯРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ИВАНА АКСАКОВА

Оппозиция «Юг — Север» занимает в поэзии в целом достаточно значительное место. Славянофилов, однако, гораздо больше волновала иная оппозиция: «Запад — Восток», а еще точнее: «Запад — Россия». И, тем не менее, определенное соотношение северного и южного типов сознания, а также — типов красоты можно усмотреть в славянофильских текстах, но не столько ортодоксальных славянофилов 1840–1850-х гг., сколько славянофила младшего поколения, И.С. Аксакова, в пору формирования и утверждения славянофильской теории во многом сомневавшегося и не разделявшего категоричности позиций основоположников славянофильства, но во второй половине XIX в. существенно обогатившего это направление русской общественной мысли.

В одном из писем к невесте, Анне Федоровне Тютчевой (от 3 июля 1865 г.), Аксаков провел сопоставление северной и южной природы, перейдя затем к противопоставлению северной и южной женщин: «Я не люблю Южной природы за ее *чувственность*, точно также как не люблю и Южных — страстных и чувственных людей. На Юге человек делается *частью* природы, красивым животным, а не господином ее, как он является на Севере» [6, 154] (здесь и да-